

спрашиваем — отвечают...

Даниил ГРАНИН:

ВЛИТЬ СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ...

СЕЙЧАС многими отмечается подъем художественно-документальной прозы. Если говорить о прозе военной, то после приподнятого, романтического восприятия победы в пятидесятых годах, после углубленного нравственного осмысления реалий войны такими писателями, как Ю. Бондарев и В. Быков, В. Богомолов и Е. Носов, заговорила в полный голос литература, приемами художественной прозы передающая достоверные, документальные ситуации. Корреспондент «Литературной России» в беседе с известным писателем Даниилом Александровичем Граниным попросил оценить это явление.

— Наверно, попытка обратиться к документу, совместить ранее несовместимые жанры видна не только в литературе о войне. То и дело мелькают придуманные самими писателями подзаголовки: роман-путешествие, роман-хроника, повествование в рассказах и даже... роман-пунктир. Как и в науке, происходит смелое вторжение жанров на соседние территории, постоянные мутации давно устоявшихся литературных форм. К этой «путанице» жанров оказались причастны писатели самых разных направлений: В. Астафьев и В. Конецкий, А. Битов и Д. Гусаров... Писатели в своих жанрово необозначенных книгах становятся историками, географами, археологами, путешественниками, врачами, политиками. Но если это не просто документ нашего времени, добросовестное свидетельство очевидца, а явление художественного ряда, то определяет прозаиков авторская позиция, личностное начало, делающее каждое произведение неповторимым и в то же время поднимающее конкретный факт до силы художественного образа.

— Очевидно, сюда можно отнести и вашу книгу «Эта странная жизнь», спокойное мужество Любичева, его этические поиски, его концепция жизни сопереживаются вами и уже через вас становятся сопричастны всему земному. Я бы отнес ее к жанру «авторских» книг, жанру чрезвычайному древнему и трудно определяемому. Вспомним летописи, где первые летописцы свободно чередовали легенды с хроникой, художественную фантазию с сухим языком документа, вспомним древнерусскую житейную литературу. Но ваша книга, так же как книги Д. Жукова, Д. Гусарова, — это «Житие» двадцатого века с его ритмами, с его сжимаемым пространством и временем.

— Желание влить собственный опыт жизни в виде прямых выходов авторов в произведение, подтвердить свою концепцию не художественными, а скорее документальными образами стало характерным для литературы. Интересно бы поразмыс-

лить над этим, подумать, почему, к примеру, даже автор художественного романа «В августе сорок четвертого...» В. Богомолов так страстно доказывает документальность, точность изложенных в нем фактов. Вдруг становится привычным строить роман на подлинных документах. Идут интересные поиски новых романских форм у белоруса А. Адамовича. Важно понять, и мне самому в том числе, почему именно такого характера вещи пользуются сегодня читательской отзывчивостью, причем иногда удивительно активной, массовой. Какие пропорции документа и литературы соединяются в наиболее действенное повествование? Ведь так легко «уступить» документу и так соблазнительно оснастить его сюжетом, заострить.

— Писателю невозможно быть полностью, протокольно беспристрастным, какая-то большая идея должна вести за собой... Но тут подстерегает другая опасность — вывернуть факты, заставить их звучать в угоду собственной концепции. В пределах конкретных фактов недопустимавольная их трактовка. Тем более, что за каждым фактом стоят его исполнители, и память о них порой зависит от пера писателя. Историки, если они ошибаются, могут отказаться от неправильных воззрений, напишут новые книги, а что делать писателю? Если с книгами перечеркивается вся его жизнь, его неповторимое (речь идет о писателях талантливых) видение мира?

— Здесь и оказывается решающей художнической интуиция, его чувство ответственности перед людьми, перед каждым человеком в отдельности и всей эпохой вместе. И только тогда художественно-документальная проза писателя становится художественным свидетелем времени. Между прочими причинами обратился я к повести «Клавдия Вилор», потому что хотелось написать о тех, кто и в оккупации, и в плену вел себя достойно, оставался воином, способствовал победе Советской Армии. Мы часто забы-

ваем, что история — это прежде всего мы сами, И от того, как ведет себя каждый из нас на фронте и в далеком тылу, на большой стройке и за писательским столом, зависит наше будущее. И разговор об этом иногда лучше вести напрямую, голосом автора, отсюда стремление к такой авторской прозе, отсюда тяга к документализму, показ конкретными героями. История, пережитая Клавдией Вилор, открыла мне возможности человеческой души, о которых и не предполагалось, но сейчас эта история уже стала частью большой Истории нашей Великой Победы. Весомыми аргументами в битве с фашизмом были и героические проявления духа героев нашей с Александром Адамовичем книги о блокадном Ленинграде.

Даниил Александрович заговорил о трудной, психологически напряженной работе над «Блокадной книгой», о встречах с сотнями ленинградцев, перенесших голод, артобстрелы, но не сломившихся, выставивших наперекор врагу.

— Продолжаете ли вы сейчас работу над этой книгой, продлится ли это художественное исследование блокадной эпопеи и в каких формах? Будет ли это вновь общее синтетическое построение, с вписанными в него сотнями конкретных биографий, событий или вы вместе с Адамовичем обратитесь уже к анализу двух-трех судеб, на локальных примерах показывая картину героического бытия?

— Да, работа над «Блокадной книгой» продолжается. И уже можно сказать, какую форму примет вторая книга. Это будут дневники ленинградцев, дневники дотошные, скрупулезные, дневники, которые велись день за днем всю блокаду, в которые записывались подробно крупные события (представляете, освещение изможденным голодом ленинградцем известных всем событий) и записывались те мелкие подробности, которые были известны только им. Мы выбрали три дневника и на основе их следим за судьбой трех свидетелей блокады. Один из них — подробный, несуетный рассказ крупного специалиста, молодого мужчины. Другой дневник — это дневник борьбы за жизнь подростка, совсем еще мальчишка, он более эмоциональный, призывающий. И третий дневник, который вошел в нашу книгу, принадлежит женщине, матери. Три даже биологически разных мироощущения, три волнующих человеческих документа, объединенных вместе, приводят к тем же выводам, что и первая книга, основанная на рассказах сотен. Это долг памяти нашего поколения перед будущим, во имя мира.

Беседу вел
Владимир БОНДАРЕНКО
ЛЕНИНГРАД